

Алексей Рыжков

ГАНИМЕД-6

ПРОСА
ВНЕКОСМИЧЕСКАЯ
—БОЕВИК

Алексей Рыжков
Некроскоп

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161145

Ганимед-6: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-22936-9

Алексей Рыжков

НЕКРОСКОП

Серфер увидел большую белую за секунду до удара. Огромная тень стремительно поднималась из темной глубины. Треск ломаемой доски, треугольники зубов впились в ноги. Из прорезанной, словно скальпелем, бедренной артерии хлынула кровь. С жертвой в пасти огромная акула вылетела из воды. Сузившиеся от боли зрачки серфера зафиксировали с высоты такой далекий пляж. Теплая кровь на коже и яркое, как вспышка озарения, предчувствие смерти. Продолжая движение вверх, акула чуть приоткрыла пасть, понадежнее перехватывая жертву. С хрустом ломаемых ребер зубы сомкнулись на грудной клетке...

Хосэ Мануэль сорвал с головы шлем с электродами. В ушах все еще звучал страшный звук ломающихся костей. Ощущение теплой крови на коже и невыносимая боль. Словно отряхивая с себя что-то, он лихорадочно молотил руками воздух и тяжело дышал.

– Она... она сожрала его... вместе с доской для серфинга!

– Ага. Тебе, значит, серфер попался, – Дамарис лениво стряхнула пепел.

– Интересно... Какая-то часть мозга все же вытаскивает нас за полсекунды до смерти.

– Мне нужно выпить! – Хосэ вытер потные руки о клет-

чатую рубашку.

– Согласна.

Они заказали пару холодного пива в маленьком баре «Диагональ», неподалеку от «Саграда Фамилия».

– Что это за штука, Дамарис?

– Доктор Санчес называл ее просто – установка.

– Называл?..

– Он повесился две недели назад. В парке «Гуэль», знаешь, на колоннаде, прямо напротив главного входа. Провисел там часа два после открытия. Служители сразу не заметили, а туристы думали, что это так задумано. Даже фотографировались на его фоне.

– О черт! – Хосэ нервно огляделся. Кажется, он не до конца верил, что находится тут в баре, а не в пасти акулы, взлетевшей в броске на пять метров. – Он ведь был твоим куратором темы?

– Ну типа того... – Дамарис затаилась. – На самом деле ему плевать было на мою тему. Просто ему нужна была помощница, вот и все.

– Слушай! Ну, а как это работает?

– Да не знаю я! Санчес никогда ничего не объяснял и не записывал. «Сделай то... рассчитай это». Я думала, ты мне сможешь разобраться.

– Я? – Хосэ отхлебнул пива и грохнул бутылкой по столу. Пена устремилась вверх по длинному горлышку.

– Ну да. Ты же специализируешься в психологии. Вот и

объясни, как это работает.

– Да ты издеваешься! У вас там черт знает что, размером с целую комнату!

Я удивляюсь, как вообще позволил натянуть на себя этот дурацкий шлем.

– Я подключалась семь раз. Два раза просидела по часу, без толку, так ничего и не поймала. Были четыре смерти. Я уверена. – Дамарис поежилась.

– И один раз был парень на красной «Бугатти». Кажется, торопился на свидание. Он слетел с шоссе и впаялся в бетонную стену. Его спасли подушки безопасности. Как только он понял, что абсолютно цел, я его потеряла. – Она улыбнулась. – Тестостерон, Хосэ, чертовски опасная штука.

– Ты хочешь сказать, что эта ваша установка улавливает излучения мозга?

– Ну... Я ведь физик... Ты не забыл?

– Я серьезно!

– Я думаю, да. Причем излучения в самый критический момент.

Последний, так сказать, крик в эфир.

– О боже... Ты представляешь, какие возможности?.. Слушай, а почему эту штуку не забрали в институт?

– А о ней практически никто не знает. Это «домашняя работа» доктора Санчеса. Ему ведь никогда не давали денег на исследования. Слишком причудливые проекты, слишком дорогие, и никакого интереса для бизнеса.

– А у тебя остались ключи, да? И ты решила немного развлечь старого приятеля.

– Хосэ, – вдруг зашептала Дамарис, – меня пугает эта вещь! Пугает и притягивает одновременно! Это похоже на наркотик. После первого раза я дала себе клятву больше никогда не подключаться. Прошли сутки, и я поймала себя на том, что натягиваю шлем этой чертовой машины!

– Ну... А те четыре случая. Расскажи мне о них.

– Тяжело вспоминать. – Дамарис невесело усмехнулась – Знаешь, ведь после... Эти воспоминания становятся твоими. Запахи, звуки, боль! Черт! У меня за плечами огромный грузовик, нераскрывшийся парашют, магнитофон, упавший в ванну, и выстрел из дробовика в упор.

– И каждый раз, сняв шлем, ты будто заново рождаешься? Ведь так?

– Я не зря тебе позвонила, Хосэ...

Дамарис окунула палец в убежавшее из бутылки пиво. Задумчиво стала чертить что-то на столе. Хосэ увидел, как в четырех нарисованных пивом крестах отразился свет. В некоторых все еще были пузырьки газа.

Над Барселоной бледно мерцали звезды. «Над большими городами всегда так, – подумал Хосэ. – Наш земной свет забивает слабое сияние звезд. Теперь, чтобы увидеть настоящее звездное небо, надо ехать черт знает куда. Или уходить далеко в море». Хосэ вздохнул. Он стоял на балконе квар-

тиры Дамарис и курил. Хозяйка спала в своей спальне. Ему было отведено место в гостиной на диване. Они никогда не были особо близки. Хорошие друзья? Да. Но не любовники. Внезапно на психолога снова нахлынул пережитый ужас. «Черт! Смогу ли я теперь спокойно плавать в море? Где это произошло? Барьерный риф? Гавайи?» – Хосэ выкинул сигарету. Глубоко вдохнул прохладный воздух. «А все-таки чертовски здорово быть живым!»

На столике возле дивана стояла открытая бутылка пива. Рядом лежал рабочий блокнот Хосэ. Внезапно он понял, что совершенно не концентрируется на своей прямой задаче. Ведь он должен вытащить Дамарис из этого плена. «Это похоже на наркотик», – сказала она. Хосэ никогда не работал с наркоманами. Да и тут вроде бы совершенно другой случай. Никакой физиологии. Вся проблема чисто психологическая. «Как бы назвать этот синдром? Синдром пережитой смерти? Нет, не годится! Хотя...» – он сел на диван. Глотнул пива и взял ручку.

Примерно через полчаса Хосэ захлопнул блокнот. Выключив свет, вытянулся на диване. Вопреки своим ожиданиям, он почти сразу заснул. Словно провалился в черноту без мыслей и воспоминаний.

Электронные часы на полке пискнули. Хосэ пытался понять, что его разбудило. Прислушавшись, он различил звук

лифта. Он взглянул на часы – три ночи. Соседи переговаривались на лестничной площадке, видимо, пытаясь попасть ключом в замочную скважину. Психолог поднялся и на цыпочках подошел к двери спальни. Нерешительно взялся за ручку. «Как наркотик, да?» Он открыл дверь. Дамарис в спальне не было. «Черт! – Хосэ вздрогнул от звука собственного голоса. – Она ушла к установке». Наспех одевшись, он схватил со стола блокнот и вышел, захлопнув дверь. Дамарис уехала на своей машине, Хосэ пришлось идти пешком. Брать такси не было смысла, до лаборатории всего квартал. Через несколько минут психолог был на месте. Он толкнул дверь лаборатории, она была открыта. Хосэ прошел через комнату, заставленную непонятным оборудованием, столами с кучами распечаток, компьютерами и остатками пиццы. В следующем помещении стояла установка. Он не сразу увидел Дамарис. Девушка забилась в угол, спрятавшись за огромную, метров семь в поперечнике, машину. Обхватив колени, Дамарис сидела на полу, в пустоте глаз отражались огоньки включенной аппаратуры. Хосэ опустился рядом, легонько коснулся ее руки. Девушка оставалась неподвижной, лишь две слезинки, прочертив влажные дорожки по ее лицу, упали на серый диэлектрический пол. Внезапно, словно очнувшись от кошмара, Дамарис бросилась на шею Хосэ. Захлебываясь слезами, она зашептала:

– Спаси меня, Хосэ! Спаси от этого кошмара! Я больше не могу! Эти смерти! Они словно становятся моими. Я уже

не понимаю – жива я или нет. Что мне делать?

Дамарис уткнулась лицом в плечо Хосэ и, содрогаясь всем телом, зарыдала.

«Сейчас она совсем не похожа на ту, что встречала меня в аэропорту. Вчера это была уверенная в себе женщина. Ученый. Чего ей это стоило – казаться совершенно спокойной? А теперь она просто испуганная до смерти растерянная девочка. И я должен! Должен ей помочь! Думай, парень, думай!»

– Дамарис! Давай разломаем эту штуку к чертям! Мне кажется, это единственный выход.

– Ты с ума сошел! – Девушка чуть отстранилась и, размазывая слезы, посмотрела в глаза Хосэ. – Это уникальная вещь. Работа всей жизни доктора Санчеса!

– Хорошо. Тогда давай уедем. На месяц-другой. Тебе просто нужно время, чтобы совладать с этой ситуацией.

– Уедем? А куда?

– Да какая разница. Главное – подальше от этой штуковины.

– Как бы ты хотел умереть, Хосэ? – Спокойный тон, которым был задан этот вопрос, испугал его. Он почувствовал, как дыхание страха коснулось затылка.

– Я тебя не понимаю...

– Какой способ ты бы предпочел?

– Дамарис, пойдем отсюда.

– Я тебе могу сказать, что быть сбитой грузовиком мне не очень понравилось. Жуткая боль. И еще этот звук. Вначале глухой, чавкающий. Это плоть. Потом хруст костей. И чувство полета. Вестибулярный аппарат еще работает, и ты понимаешь, что летишь. Мозг все еще пытается управлять телом, а ты уже ПРОСТО МЕШОК С КОСТЯМИ!

– Дамарис! Успокойся! Ты пугаешь меня, Дамарис! – Хосэ тряс ее за плечи. Страшную, извивающуюся в истерике, выкрикивающую ужасные слова.

Силой подняв девушку с пола, психолог потащил ее к выходу. В соседней комнате он усадил ее на стул и налил воды. Вынув из кармана успокоительное, Хосэ протянул таблетку и стакан.

– Выпей. Это поможет тебе.

Словно потеряв все силы, Дамарис вяло проглотила таблетку, сделала несколько глотков.

– Завтра мы возьмем билеты и уедем ко мне в Лондон.

Дамарис лишь кивнула. В ее глазах снова была пустота. Казалось, она смотрит куда-то в бесконечную даль. Лишь ей одной видимую черноту. Мрак чьих-то смертей.

Хосэ снова стоял на балконе. Он так и не уснул в эту ночь. Дамарис под действием успокоительного тихо спала в своей спальне. «Конечно, я превысил дозу раза в три. Но, видит бог, ей это было нужно». Барселона медленно просыпалась. Появились первые машины. В порт входил огромный

пассажирский лайнер. Хосэ курил, неторопливо размышляя. «Что же делать с этой чертовой установкой? Конечно, это уникальная разработка. Прорыв в науке.

Я не физик, но даже я понимаю, насколько эта вещь опережает все, что сделано в этом направлении. Как же она работает? Улавливает излучения мозга? Почему только перед смертью? В остальное время излучения настолько слабы? Разумеется, если я разломаю эту установку, мне этого не простят. Но ведь эта штука уже загнала одного человека в могилу. И теперь второй стоит на краю. Видимо, человеческая психика неспособна выдержать такие переживания». Хосэ взглянул на последнюю запись в блокноте. «Подсознательное суицидальное стремление». «Черт возьми! Личная встреча со смертью не предполагает зрителей! Каждый встречает ее сам. И старуха не прощает, когда за ней подглядывают». Хосэ посмотрел вниз на асфальт. «Интересно, как это? Рухнуть с высоты, на этот далекий, кажущийся таким безобидным серый асфальт?» Психолог встряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Отошел от перил балкона. «Это останется со мной навсегда. Звук разрываемой плоти, треск перекусываемых костей. Этот парень-серфингист навсегда останется во мне. Вернее, его смерть. Такие вещи невозможно забыть. А в голове Дамарис четыре, считая сегодняшнюю ночь, пять смертей! Почему же она не может остановиться?» Хосэ вернулся в комнату. Спать не хотелось, хотя на часах было уже шесть тридцать. Он, тихо ступая, направился в кух-

ню. Неторопливо сварил себе кофе. Благо у Дамарис все было на виду. И кофе, и сахар. Немного похозяйничав в холодильнике, соорудил себе нехитрый сэндвич. Завтракая, Хосэ продолжал размышлять. «Доктор Санчес всегда был немного странный. В университете о нем ходили легенды. Судя по словам Дамарис, старик подключался около десяти раз. Похоже, переступив порог, человек уже не может остановиться. И тут-то костлявая берет его за горло». Он глотнул обжигающий кофе. Скрипнула дверь. Дамарис совсем не выглядела сонной, наоборот, была сосредоточенна и серьезна. В руке у нее был лист бумаги и карандаш. «\$10 000 000» – написала она и подвинула бумагу к Хосэ.

– Десять миллионов. У того парня было десять миллионов!

– У кого?

– У последнего! Он был серьезно ранен. Кровь хлестала из него фонтаном.

За ним кто-то гнался... Не знаю. Возможно, мафия. В руках у него был чемодан, он пытался спрятаться. Какой-то порт...

– Откуда ты знаешь, что у него были деньги?

– Он забился под причал. Он понимал, что умирает. Те... которые гнались за ним, они кричали ему: «Отдай наши деньги, Ричард! Отдай наши десять миллионов», – кричали они. Эти голоса до сих пор звучат у меня в ушах. Это было похоже на карканье кладбищенских ворон.

– Успокойся, Дамарис. Выпей воды. – Хосэ протянул ей стакан.

– Он не хотел отдавать эти деньги. Он был готов умереть, но не отдать. А впрочем, наверное, он понимал, что все равно умрет. Он вынул из чемодана черный пакет. Полный тугих пачек. Я ведь, можно сказать, сама потрогала их. Там много денег, Хосэ! Очень много! – Дамарис тяжело дышала, казалось, это она бежит по далекому песку в темноте, истекая кровью.

– Подожди, Дамарис. Дыши глубже, успокойся. – Хосэ взял ее за руку, нащупал пульс. – Может, отложим этот разговор?

– Он закопал пакет и насыпал в чемодан песок. Он полз, потом бежал. А они все кричали. Удивительно, как далеко он смог убежать. А потом он прыгнул в море. Он подошел к краю причала и, обняв чемодан, оттолкнулся ногами. При этом он улыбался! Представляешь, Хосэ? Он улыбался. К этому моменту он уже не чувствовал боли. Я отключилась, когда мутная, пахнущая нефтью, вода хлынула ему в легкие. – По щеке Дамарис пробежала слеза. Она съежилась, обхватила поникшие вдруг плечи руками. Сникла и вперила невидящий взгляд в стену, словно внутренний тумблер повернули в положение «Выключено».

Хосэ тоже молчал, переваривая услышанное. «Десять миллионов. Это большие деньги». Он встряхнулся. «Черт возьми! Не хватало еще мне, профессионалу, клонуть на

это! Да и все равно неизвестно, где это произошло... Так что и говорить не о чем. Ха! Десять миллионов, размечтался».

– Дамарис. Дамарис, – Хосэ легонько коснулся ее плеча. Девушка вздрогнула.

– Послушай. Ты ведь все равно не знаешь, где погиб этот парень. Давай забудем обо всем. Нам нужно ехать.

Так же глядя в стену, Дамарис тихо, но четко произнесла:

– Катарина.

– Что?

– Большая, трехмачтовая яхта. Она стояла у соседнего причала. Его взгляд скользнул по ней, а я запомнила. В мире не так уж много трехмачтовых яхт «КАТАРИНА» с темным корпусом. Нужно пройтись по Интернету, а потом нам понадобится метровый щуп и немного терпения.

– О господи, Дамарис! – Хосэ всплеснул руками. – Ты с ума сошла! Пускаться в такую авантюру! Да эти деньги уже давно нашла мафия.

– Вряд ли. Ты когда-нибудь задумывался, сколько хлама валяется на дне портов. Отыскать там чемодан – шанс один из тысячи. А они ведь считают, что деньги там.

– И что ты предлагаешь?

– Отправимся в путешествие.

– Никогда бы не поверил, что ты способна поддаться на такое... такое... – Хосэ задохнулся от негодования. – Мы едем в Лондон!

– Ты трусишь? – Дамарис усмехнулась.

– Извини, но ты вызвала меня, чтобы я тебе помог. – «Десять миллионов», – бухало в голове Хосэ. – И... поэтому я настаиваю... – «мы знаем, где они» – я... настаиваю, чтобы ты вначале прошла курс лечения. А уж потом, – Хосэ успокоился, приняв решение, – мы отправимся на поиски этой твоей «КАТАРИНЫ».

– Хоть какая-то польза от установки доктора Санчеса? Правда?

– Если хочешь узнать мое мнение, нужно взять хорошую кувалду и раздолбать эту штуку.

Дамарис встала.

– Я пойду, приму душ, – сказала она. – Честно говоря, тонуть мне тоже не понравилось.

Хосэ содрогнулся от будничности тона, каким это было сказано. «Кажется, она начинает терять ощущение реальности. Каждое подключение – страшный удар по психике. Мозг лихорадочно ищет зацепку, ведь все ощущения: боль, звуки, зрительные образы – все реально. Лишь какой-то маленький участок остается настороже, различает по малейшим признакам, что это не твое тело. Но страх так давит, он заставляет забыть обо всем, желание выжить подавляет все нюансы. И уже не важно – мужчина это или женщина, тучное тело или худое. На первом месте оставшиеся секунды». – Хосэ снова вышел на балкон, закурил.

«Мы воспринимаем мир таким, каким нам представляют

его наши органы чувств. Все воспоминания записаны с этих каналов связи. Отруби вчистую эту связь – и все! Человека нет. Останется лишь болтающийся в вакууме мозг: ни звуков, ни света – черная, ватная пустота. – Хосэ вздрогнул. – Наверное, это и есть смерть».

Внезапно раздавшийся грохот вывел его из раздумий. Он ринулся к двери ванной.

Та была приоткрыта. В проеме лежало распростертое тело Дамарис. Хосэ почему-то бросился в глаза вырванный, болтающийся на одном шурупе внутренний замок. Никелированная ручка тускло блеснула, пахло паленой проводкой. Свет в ванной не горел. Хосэ подхватил Дамарис под руки и оттащил в гостиную. Обнаженное тело девушки было мертвенно бледным. Не теряя времени, психолог стал делать искусственное дыхание. «Как же так? – шептал он. – Как же я мог тебя проморгать?»

Он вскочил и бросился в коридор к телефону. Переносная трубка, висевшая на стене, не работала. «Электричества нет во всей квартире». Хосэ заметался в отчаянии. «Куда я сунул сотовый?!» В этот момент Дамарис застонала. «О господи! Спасибо тебе!» – Хосэ схватил с дивана плед и завернул в него девушку. Он бережно поднял ее с пола и перенес на диван. Метнулся на кухню за водой.

– Как ты себя чувствуешь, Дамарис?

– Где я? – тихо произнесла она.

– Ты дома. Но сейчас мы поедем в больницу.

– Нет. Не надо. Они упекут меня в психушку. Ты же знаешь.

– Тебе лучше?

– Уже лучше, – девушка сделала несколько глотков.

– Что произошло?

– Я не знаю.

– Я нашел тебя на полу, там что-то замкнуло. Электричества нет.

– Я... я ничего не помню...

– Ну ладно, ладно. Полежи. Я принесу тебе успокоительное.

Хосэ осторожно зашел в ванную. Щелкнул зажигалкой. Черный провод тянулся от розетки, уходя за полуметровый бортик душевой кабинки. Разбитые створки пластиковой дверцы валялись на полу. Хосэ подошел ближе. Уровень воды был примерно чуть выше щиколоток. На дне лежал большой, черный фен. Сквозь воду были видны серебристые цифры 1200. «Тысяча двести ватт! Она просто включила его и бросила в воду. Страшная судорога ударила по икроножным мышцам, и ее выбросило из кабинки». Хосэ выдернул вилку из розетки, поискал глазами аптечку.

Через пятнадцать минут Дамарис снова спала. «Мне так до Лондона придется держать ее на таблетках, – невесело размышлял Хосэ. – Надо заказать билеты», – подумал он

и направился в рабочий кабинет Дамарис. Пощелкав клавишей питания компьютера, психолог хлопнул себя по лбу. «Электричества-то нет». Выйдя на лестничную площадку, Хосэ открыл распределительный щиток и включил автоматические предохранители. Через пару минут он был во Всемирной паутине. Заказав билеты на восемь вечера, он зашел на поисковый сайт. Чуть поколебавшись, быстро набрал на клавиатуре «Катарина + яхта». Минут тридцать Хосэ внимательно изучал поступающую информацию. Удовлетворенно хмыкнув, вставил в струйный принтер бумагу и распечатал несколько страниц. Аккуратно свернув распечатки, он сунул их в задний карман брюк, выключил компьютер. Тихонько пройдя через гостиную, Хосэ направился в ванную. Собрал остатки дверцы, взял в руки мокрый фен, задумался. «Одна из смертей была похожа. Дамарис что-то говорила насчет магнитофона в ванной. Неужели сейчас она будет повторять пережитые смерти людей, к которым подключалась? Так, что там было еще? Выстрел из дробовика, грузовик, парашют, магнитофон в ванной. И теперь еще прыжок в море. Дробовик и парашют отпадают, тут я смогу ее проконтролировать. Главное – доставить ее в клинику. Нельзя отходить от нее ни на минуту». Хосэ отнес осколки пластика и сгоревший фен на кухню. Нашел мусорное ведро. Вдруг, словно удар тока пронзил его. Швырнув мусор в ведро, Хосэ бросился в гостиную. Плед валялся на полу, Дамарис в комнате не было. Поддавшись безотчетному порыву, психолог пересек комна-

ту и тихо подошел к балконной двери. Девушка стояла, опершись на перила. Ее обнаженное тело вытянулось в струну, она приподнялась на носках и стала медленно переваливаться через ограждение. С тихим стоном раскинула руки. Хосэ схватил ее в последний момент.

– Что ты делаешь, Дамарис? – дрожа, прошептал он. Девушка не сопротивлялась.

Она повисла на руках у Хосэ, словно спящая красавица. Казалось, все мышцы ее тела, только что такие напряженные, превратились в мягкое желе.

«Я должен все время быть рядом. И надо увеличить дозу снотворного. Стандартная уже не действует», – подумал Хосэ. Он снова положил Дамарис на диван, укутал пледом, присел рядом.

– Ну, что мы будем делать?

Дамарис лишь слабо улыбнулась.

– Ты понимаешь, что чуть не погибла? Зачем ты хочешь умереть?

– Я не знаю, Хосэ. Я... я ничего не помню...

– Ты бросила включенный фен в ванну, сейчас ты чуть не выпала с балкона. Зачем ты это делаешь?

– Фен? – Дамарис прикрыла глаза.

Психолог взял ее руку, пощупал пульс.

«Слабый, нитевидный. Неудивительно. Я уже пять часов держу ее на сильном успокоительном. Но, несмотря на это, наблюдаются периоды взрывной активности. Что же де-

лать?» Хосэ закусил губу. Он взвалил на себя ответственность за жизнь этой девушки. Он – всего лишь начинающий психолог. Хосэ отчаянно нуждался в совете более опытного коллеги. «Позвоню доктору Гернсбеку». Хосэ встал, закрыл балкон и прошел в коридор. Взял трубку телефона.

– Джейн? Здравствуйте, это Хосэ Мануэль. Вы можете пригласить доктора Гернсбека? Занят? Нет, нет. Я перезвоню позже.

Хосэ задумчиво повесил трубку. Потом, встряхнувшись, быстро прошел в гостиную. Дамарис спала. «Слава богу! Теперь я постоянно должен быть начеку. Что же мне делать?» Неожиданно на Хосэ снова нахлынули воспоминания. Он вновь был в пасти огромной акулы. Часто дыша, психолог пытался избавиться от страшного ощущения впивающихся в ноги острых зубов. «Как я могу помочь Дамарис, если сам не способен с этим справиться? Нет! Это выше человеческих сил. Чужие смерти, роящиеся в твоей голове! Как с этим совладать? Моментами мне кажется, что я тоже умер. Там, далеко в море. Если мозг считает, что ты мертв, значит, так и есть! Стоп! Надо взять себя в руки! Я должен помочь Дамарис. Это просто транслированные в мой мозг чьи-то ощущения. Это не мои воспоминания! Я даже не знаю, кем был тот парень». Хосэ дрожащими руками достал пачку сигарет. С трудом справившись с защелкой, открыл балконную дверь. Жадно затянулся. Он опасливо выглянул за перила. Сделал шаг назад, присел на нагретые солнцем плит-

ки балкона. «Нужно продержаться несколько часов. В Лондоне я отвезу Дамарис в клинику, и все будет в порядке. Все будет в порядке... Мы отправимся в Мексику, откопаем эти десять миллионов и заживем новой жизнью. Каждый своей. И забудем весь этот кошмар. Черт! Хосэ, не ври сам себе. Ничего не будет в порядке. Ты даже не знаешь, с чего начать лечение! Это не шизофрения, мозг совершенно здоров. Но в памяти присутствуют абсолютно реальные воспоминания о смерти. Даже страшно представить, что было бы, если б я не отключился в последний момент. Какое счастье, что наш инстинкт самосохранения срабатывает на долю секунды раньше». Размышления психолога прервал телефонный звонок. Хосэ вскочил и бросился в коридор, торопясь взять трубку раньше, чем звонки разбудят Дамарис. После третьего звонка наступила тишина. Хосэ не успел. Он потоптался еще пару минут возле телефона на случай, если еще раз перезвонят. «Наверное, просто ошиблись номером. Боже! Я же не закрыл балкон!» Хосэ бросился обратно в гостиную.

Дамарис спокойно спала. «Кажется, я становлюсь параноиком», – усмехнулся Хосэ.

Закрыв дверь на два замка, он направился на кухню. «Надо что-нибудь приготовить. Поесть самому и обязательно накормить Дамарис. Силы нам еще понадобятся».

Порывшись в холодильнике, Хосэ раздобыл четыре яйца, сыр, томаты и пучок зелени. Еще он нашел пакет молока. Разбил в глубокую тарелку яйца, добавил молока. Мелко на-

резал томаты, зелень и натер сыр. Потом, перемешав яйца с молоком, добавил туда томаты с зеленью и посолил. Снова тщательно перемешал.

Перерыв всю кухню, он с трудом нашел сковороду и курузное масло на доньшке бутылки. Пожав плечами, Хосэ стер пыль со сковороды и поставил ее на огонь.

За готовкой Хосэ не заметил, как прошло более получаса. Он взглянул на часы и метнулся ко входу в гостиную, осторожно выглянул. Дамарис так же безмятежно спала. «Боюсь, это затишье перед бурей». Хосэ смазал маслом тефлоновое покрытие сковороды и вылил на нее содержимое тарелки. «Студенческий омлет. Так мы это называли. Берутся яйца, молоко и все, что отыщется в холодильнике. Как правило, получалось неплохо». По кухне поплыл пробуждающий зверский аппетит запах. В гостиной заворочалась Дамарис.

Через несколько минут Дамарис, веселая и румяная, уплетала омлет, посыпанный тертым сыром, запивая его кофе. Она была в распахнутом белом халате. Под ним длинная, черная футболка с надписью БАРСЕЛОНА. Они болтали с Хосэ о пустяках на кухне, залитой солнечным светом. Казалось, все пережитые ужасы остались позади. Никто из них не вспоминал об установке. Поговорили об общих знакомых, обсудили пару кулинарных рецептов.

– Дай мне сигарету, Хосэ.

– В твоём состоянии? Я думаю, не стоит.

– А! Я подумала, какого черта! Мне все равно осталось недолго.

– О чем ты говоришь, Дамарис!

– Я долго не протяну. Я чувствую...

– Дамарис, не надо...

– Вот тут, – Дамарис коснулась пальцем виска, – кто-то шепчет мне постоянно: «Умри! Умри, Дамарис!» Понимаешь?

Хосэ растерялся. «Она каждый раз выбивает меня из колеи. Я все время оказываюсь не готов к такому резкому переходу. Грош мне цена как психологу».

– Я хочу сказать... – Дамарис требовательно протянула руку. Хосэ достал сигарету и вручил ей. – ...возьми мою долю себе. Хорошо? Десять миллионов. Неплохо да?

– Дамарис! Мы едем в Лондон! Билеты я уже заказал.

– Да. Да. Конечно. Едем... – она затянулась. – Едем в Лондон. Когда? – Дамарис поморщилась и бесцеремонно затушила сигарету в тарелке.

– Рейс сегодня в восемь вечера.

– Ну что ж. Давай собираться. – Она встала, запахнула халат. – Посуду я мыть не буду. Ни к чему.

– Дамарис. – Девушка обернулась. – С какой целью доктор Санчес сделал эту установку?

– Я... Я не знаю. Он никогда не говорил. Я вообще смутно догадывалась, что это за штука. Пока не увидела его сидя-

щим в кресле. Потом он резко сорвал шлем и бросился вон из комнаты. Глаза у него были словно у безумца.

– А ты? Ты когда первый раз подключилась?

– Уже после смерти Санчеса. Мне и в голову не пришло связать его смерть с установкой. Теперь-то я понимаю, какая это дьявольская штукавина.

– Дамарис. Ее нужно разрушить.

– Разрушить? – Глаза Дамарис сузились. – А ты подумал о миллионах слепых, миллионах глухих людей? Эта дьявольская установка – путь. Это их единственный шанс снова видеть, слышать. Ты понимаешь?

– Нет. О чем ты говоришь?

– О господи, Хосэ! Установка способна транслировать в мозг ощущения другого человека, находящегося за тысячи километров. А если транслировать сигнал с миниатюрной, цветной камеры? Прямо в мозг! Даже дети с врожденной слепотой смогут видеть! Это ты понимаешь?

– Ты думаешь, доктор Санчес сделал ее для этого?

– Я не знаю! Старик всегда был немного сумасшедшим. Но он был гением, это несомненно. И вот что, Хосэ. Пообещай, что ты потратишь часть денег на то, чтобы из этой установки получилось хоть что-то по-настоящему полезное людям!

– Да. Да. Конечно!

– Обещаешь?

– Обещаю.

Дамарис резко развернулась и вышла из кухни. Хосэ стал собирать со стола тарелки.

Через несколько минут, Хосэ уже домывал посуду, на кухню снова вошла Дамарис.

На ней были джинсы и та же черная футболка. Волосы она зачесала назад. На носу были черные стильные очки.

– Хосэ! Я хочу в парк «Гуэль»!

– Нет проблем, сейчас я домою посуду.

– И еще заедем в «Саграда-Фамилия». Ладно?

– Может, сразу возьмем экскурсионный тур? – пошутил он.

Девушка молча вышла.

Следующие несколько часов были похожи на трогательное прощание с городом. Когда-то Хосэ тоже так прощался с Барселоной. Когда уезжал на работу в Лондон. Он сидел в тени деревьев в парке «Гуэль». В одной руке бутылка холодного пива, в другой сигарета. Он вдыхал запах раскаленной полуденным солнцем земли и любовался парящими в высоте голубями. Они кружились в танце на фоне неба, похожего по цвету на застиранные джинсы. Сигарета догорала до фильтра, пиво нагревалось, а Хосэ так и не мог оторвать взгляд. Он зажигал следующую сигарету, доставал из переносного холодильника новую бутылку, и тут его взгляд приковывал причудливый, доминирующий над всем шпиль «Саграда-Фамилия».

«Это было всего два года назад», – подумал Хосэ. Он привел Дамарис на то же место. Она молча стояла под деревом, обводя взглядом крыши родного города.

– Ты так и не сказал, как бы ты хотел умереть, Хосэ.

«На этот раз ты меня не застанешь врасплох», – подумал он, тщательно обдумывая ответ.

– Я? Я хотел бы умереть лет так в восемьдесят. В своей постели. Окруженный десятком детей и внуков. И оставить после себя большой дом с апельсиновым садом. – Хосэ улыбнулся. «Надо перевести ее на позитивное мышление. Прочь все мрачные мысли».

– А я могу сказать, как ты умрешь, Хосэ. Вернее не как, а где. Ты умрешь на песке. И смерть придет совсем неожиданно. Ты даже не успеешь испугаться. Так что твою смерть никак не поймать с помощью установки.

«А ведь она верит в то, что говорит. – Хосэ снова растерялся. – О господи! Мне никак не справиться. У меня слишком мало опыта. Она каждый раз просто ошеломляет меня. Я должен взять контроль над нею. Направлять ее мысли. А на самом деле это она управляет мной. Загоняет меня, как кролика!»

– Пойдем отсюда, Хосэ. Нам надо успеть в аэропорт.

– Да, конечно. – Психолог поднялся на ноги. Растерянный, выведенный из равновесия. «Может, наорать на нее? Хотя вряд ли поможет. Она воспринимает реальность через туман гнетущих ее черных мыслей. Любой внешний раздражитель

– как укус комара. Она почти полностью погружена в себя».

Дамарис опустила на водительское сиденье и завела мотор.

– Нет. Нет. Давай я поведу.

– О боже, Хосэ! Это моя машина.

– Да, конечно. Я понимаю. Но мне так спокойней. И не забывай, я давал тебе таблетки. А после них за руль нельзя.

– Сюда ехали, ты вел, обратно тоже ты. Я не маленькая, – ворчала Дамарис, пересаживаясь.

«Хочется все же доехать живым. А водитель с суицидальными стремлениями – хуже не придумаешь». Через сорок минут они были дома. Дамарис, что-то напевая, собирала чемодан. Хосэ, побросав свои вещи в сумку, был готов в пять минут.

– Вызовем такси? Или поедем на твоей машине?

– А как проще?

– Наверное, такси. Меньше проблем с парковкой.

– Ну, тогда закажи такси.

Хосэ взял трубку телефона и ушел на кухню.

– Алло, Джейн? Это снова Хосэ Мануэль. Доктор Гернсбек освобожден? Уехал? Черт! Нет. Не надо. Завтра он будет? Ну и отлично! До свидания.

Хосэ набрал номер такси.

Через тридцать минут зеленое такси остановилось у подъ-

езда. Садясь в машину, Дамарис вдруг застыла.

– Я не хочу ехать!

– Только без истерик! Мы вернемся самое большое через две недели.

– Я не хочу ехать, – тихо повторила она, опускаясь на сиденье. По щекам девушки катились слезы. Она, не замечая их, уткнулась пустым взглядом в лобовое стекло. Хосэ поежился. Страшное впечатление производило застывшее, словно маска, лицо Дамарис. Единственным живым на ней были бегущие слезинки. Машина тронулась.

За все полтора часа Дамарис не проронила ни слова. В аэропорту Хосэ, словно робот, высадил ее из такси и повел к зданию, держа за руку. На плече у него висела сумка, в руке чемодан Дамарис. Первым делом они подошли к стойке предварительного заказа. Назвав свою фамилию, Хосэ получил билеты. Регистрацию уже объявили. И они сразу направились к секции тринадцать.

– Стой рядом, – сказал Хосэ и положил на весы чемодан и сумку. Потом протянул улыбчивому служащему билеты и паспорта. Бесцеремонно отодвинув Хосэ, к стойке вдруг протолкался высокий брюнет.

– Эй, мистер! Я просил вас посадить меня к окну. А вы что мне дали?!

– Успокойтесь, сэр, не надо так нервничать. Вы сказали, что вам все равно, я дал вам середину.

– Я сказал, мне все равно, какой ряд. Но не место!

– Послушайте, сейчас моя очередь, я уже отдал билеты, –
вклинился Хосэ.

– Не лезь! – рявкнул брюнет.

– Сэр, я уже внес вас в компьютер. К сожалению, я ничего
не могу сделать.

– Мне плевать на ваш компьютер! Дайте мне место у окна,
черт побери!

В этот момент Хосэ услышал пронзительный женский
визг. Потом еще один.

Мгновенно разметав очередь, он вырвался из толпы и, ли-
хорадочно озираясь, пытался отыскать глазами Дамарис. И
он увидел ее. Она стояла на карнизе второго яруса, который
отделяли от пола метров восемь. Внизу шумела людская тол-
па. Наиболее слабонервные женщины, закрывая глаза, виз-
жали и разбегались подальше, предчувствуя страшное. Да-
марис развела руки в стороны и глубоко вдохнула. Внезапно
наступила тишина, или, может быть, Хосэ так показалось. И
в этой гулкой тишине огромного зала отчетливо прозвучали
слова:

– Я БОЛЬШЕ НЕ БОЮСЬ!

– Цель визита в Мексику?

– Туризм.

– Запрещенные к ввозу предметы, вещества?

– Нет.

– Добро пожаловать, сэр. – Таможенник улыбнулся и протянул Хосэ паспорт.

– Спасибо.

– Э-э, сэр? А что у вас с ногой? – таможенник указал на трость в руке бывшего психолога.

– Подвернул. Такая нелепость. На лестнице.

– Будьте осторожней, сэр.

– Я постараюсь.

Хосэ Мануэль вышел из аэропорта.

– Такси, мистер? С кондиционером? Без?

– А что, есть разница?

– Разумеется, мистер. Без кондиционера дешевле.

– Тогда без.

Хосэ отвалился на выцветшее сиденье видавшего виды «Форда». Вытер платком кативший градом пот. Последние месяцы были сушим кошмаром. Полицейские связали смерть Дамарис с ним. Они нашли в его сумке таблетки. Вскрытие показало наличие в крови девушки сильнодействующего успокоительного. Полицейские затребовали медицинскую экспертизу. Естественно, она показала превышение дозы более чем в три раза. Подняли список звонков Дамарис. Их видели вместе десятки людей. В общем, на уголовное дело все это не потянуло, но лицензии врача его лишили сразу. «И Гернсбек! Вот же сволочь! Он тут же откре-

стился от меня».

Хосэ достал из кармана мятую бумажку. На цветной распечатке была изображена трехмачтовая яхта. Снизу подпись «КАТАРИНА». Еще ниже таблица

Водоизмещение

Длина

Осадка

Парусное вооружение

Владелец

Порт приписки

И так далее.

Цифры абсолютно не интересовали Хосэ. Главной строкой в таблице был для него порт приписки. «Я на месте! Удивительно, как полиция не пронюхала про установку доктора Санчеса. Если бы они узнали о ней! Я все еще давал бы показания в участке. А может, вообще сидел за решеткой. – Хосэ закурил. – Если я найду деньги, то обязательно вложу их в продолжение исследований. При правильном подходе эта технология может принести миллиарды! Хотя деньги тут не главное. Я ведь обещал Дамарис». Хосэ поймал себя на том, что врет сам себе. Последние испытания сильно озлобили его. Вмиг он лишился всего. Друзей, работы, дома. Сейчас им двигало лишь одно чувство: отомстить, показать этим поганцам, кто он есть на самом деле. Отнюдь не обещание, данное Дамарис, двигало им. О нет. В его планы не входила бесплатная помощь больным и благотворитель-

ность. «Имея такие деньги, я смогу запросто перевезти эту установку в другое место. Открыть свою лабораторию, нанять каких угодно специалистов. И никто ничего не узнает.

До того момента, когда мое имя прогремит на весь мир. Черт! Да это изобретение тянет на Нобелевскую премию. И посмотрим тогда на рожу Гернсбека!»

– Приехали, мистер! Как просили – недорогой отель. Порт недалеко.

– Да. Да. Спасибо. – Хосэ все еще был там, в мире своей мечты.

Он стоял на трибуне в классическом черном фраке.

– Мистер? С вас двадцатка.

– Вот, пожалуйста.

Отель был более чем недорогим. Потёки на стенах. Отвалившиеся обои. Ржавый кран в ванной. «Ничего. Я тут ненадолго». Хосэ открутил набалдашник трости. Вынул длинный пластиковый щуп. «И как раз луна сегодня будет полная».

Полуживая в дешевой забегаловке, Хосэ отправился в порт. Еще засветло он сходил туда и поинтересовался у какого-то старика, у какого пирса обычно швартуется «КАТАРИНА». Порт был условно поделен на две части. В одной к высокой бетонной стенке швартовались крупные суда – сухогрузы, контейнеровозы и другие громадины. Другая часть была отведена для владельцев яхт. Через песчаный пляж было перекинуто больше десятка длинных деревянных причалов.

Одним концом они уходили в море. Другим сходились на большой асфальтовой автостоянке, окруженной забором. А вот на пляж можно было выйти свободно. Только место это находилось далеко от города, и людей здесь никогда не бывало. Первую ночь Хосэ долго пытался сориентироваться. Сосчитать все причалы снизу было неудобно, а забраться на них у него не получалось, опираясь на металлические столбы, те проходили почти на трехметровой высоте над песком. Часа через два блужданий Хосэ решил, что нашел нужное место. Достав из трости щуп, он стал методично обследовать песок под причалом. Провозившись около трех часов, Хосэ понял, что не все так просто, как ему казалось. «Эх! Если бы Дамарис была со мной». На второй день Хосэ пришел около двух часов дня к стоянке. Из-за забора он пересчитал все причалы. Их было пятнадцать. «КАТАРИНА», по словам старика, всегда швартовалась к седьмому. «Значит, мне нужно искать под шестым. А где я искал вчера?» Хосэ постарался запомнить все надежные приметы, чтобы не плутать ночью.

Проспав до вечера в душной комнате, полной беспрестанно жужжащих мух, Хосэ наскоро поел и отправился к порту. Вторая ночь тоже оказалась безрезультатной. Вконец измотанный, Хосэ, жмурясь на встающее над горизонтом солнце, поплелся в отель. На пятый день выяснилось, что старик все перепутал. «КАТАРИНА» швартовалась не к седьмому причалу, а к четвертому. На седьмой день пришла сама «КАТАРИНА». Она, на глазах изумленного Хосэ, пришвартова-

лась к девятому причалу. На восьмой день в темной комнате, освещенной лишь маленькой настольной лампой, раздался звонок.

– Это Мигель.

– Слушаю тебя, Мигель.

– Сеньор! У нас в порту уже неделю бродит какой-то чуждак. Он все время тычет какой-то палкой в песок. Вначале он ходил под шестым причалом, потом под третьим. Теперь он тычет палкой под восьмым. Я не знаю, что он делает, но это подозрительно. Я подумал, вам надо это знать, сеньор.

– Мигель! Кажется, ты задолжал мне сто долларов? Считай, теперь ты мне ничего не должен.

Хосэ уныло пересчитал оставшиеся деньги. «Хватит еще на один день. И то только если поесть один раз и не покупать сигареты». Он вынул мятый билет на самолет с открытой датой. «Завтра надо будет позвонить и забронировать себе место на рейс в Испанию. Видимо, я все-таки законченный неудачник». Хосэ взял трость под мышку и устало направился привычной уже дорогой к порту.

Снова светила полная луна. Хосэ, уже без особого азарта, методично погружал щуп на полметра в песок. Сделав шаг, повторял процедуру. Так он медленно продвигался вдоль всего причала. Потом поворачивался на девяносто градусов, делал небольшой шаг и двигался в обратную сторону. «Челночный метод» – называл он это для себя. Поглощенный

своим занятием, он совершенно не замечал ничего вокруг. Осторожность и скрытность первых ночей давно покинула его. Он не смотрел по сторонам, ему было уже наплевать, видит его кто-нибудь или нет. Конечно, он не заметил отблеска двух линз мощного бинокля, направленного на него.

В очередной раз погрузив щуп, Хосэ почувствовал, что опять на что-то наткнулся. Первый раз, когда это произошло, он чуть не задохнулся от возбуждения. Откопав пустую консервную банку из-под ананасов, Хосэ испытал, наверное, самое горькое в своей жизни разочарование. Потом были пустые пластиковые бутылки, камни, один кожаный сандалий и куча другого хлама. Хосэ, кряхтя, с трудом опустился на колени и, тихо ругаясь, принялся разгребать руками песок. На глубине сантиметров тридцати рука его коснулась полиэтилена. Ткнув пальцем в пакет, Хосэ почувствовал что-то твердое. «Опять мусор в пакете? Такое уже было...» Не торопясь, он разгреб песок вокруг пакета и аккуратно извлек его. Пакет был большой, черный, из очень плотного полиэтилена. В свете луны Хосэ увидел, что он запаян со всех сторон. Сердце Хосэ учащенно забилось. «Неужели?..» Он попытался руками разорвать плотный полиэтилен. Тот не поддавался. Схватив осколок бутылки, Хосэ вспорол пакет по шву. Затаив дыхание, сунул в пакет руку. И... «Наконец-то!» Он вынул тугую пачку, повернул ее к свету. Это были сто-долларовые купюры. В двухстах метрах от него окуляры бинокля крутанулись, впиваясь в отсвечивающий зеленым пря-

моугольник. Хосэ встал. Машинально сунул пачку в карман, отряхнул обветшавшие брюки. Потом наклонился и, подняв пакет, бережно, словно ребенка, прижал его к груди. Два окуляра бинокля сменил один – оптического прицела.

Винтовка с глушителем тихо цокнула бойком.

Хосэ упал на колени.

В пробитом пульей мозгу мелькнуло: «Дамарис была права! Я умру на песке! И я действительно не успел испуга...»